

В. Е. Возгрин

**ДАТСКИЕ ИСТОРИКИ XVII–XVIII вв.:
НАЧАЛО ПУТИ К НАЦИОНАЛЬНОЙ
ПОЗИТИВИСТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ***

Историкам Дании XVII в. (как, впрочем, и всей Европы) было присуще характерное для эпохи Просвещения представление о человеческой природе как о чем-то неизменном. При этом они исходили из верного, в общем-то, положения о неизменности законов природы в собственном смысле этого слова. Эти представления делали невозможным познание истории человека в вечных его духовных превращениях, в процессе изменений человеческой природы. Они рассматривали ее как не меняющуюся предпосылку исторического процесса, тогда как их современники являлись продуктом этого процесса.

Великие открытия фундаментальных законов природы учеными XVII в. вселяли в гуманистический XVII–XVIII вв. оптимистическую надежду на светлое будущее, которое наступит, как только будут совершены такого же масштаба открытия в области человеческой природы. И тогда знание этих вечных и неизменных законов позволит внести соответствующие коррективы в поведенческие модели, в практику межличностных (межгосударственных и т. д.) отношений. А это в свою очередь

* Работа выполнена в рамках проекта Федерального агентства по образованию, Мероприятие № 1 аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2006–2008 гг.)», тематический план НИР СПбГУ, тема № 7.1.08 «Исследование закономерностей генезиса, эволюции, дискурсивных и политических практик в полинациональных общностях».

станет предпосылкой для решения столь многих проблем, извечно омрачающих человеческое бытие. Таким образом, «концепция прогресса в восемнадцатом веке основывалась на той же самой ложной аналогии между познанием природы и познанием человеческого духа»¹. Историкам эпохи Просвещения было свойственно презрительное отношение к ранним периодам истории человечества как к периоду варварства, не заслуживавшему внимания культурного общества. Обще-принятым является мнение о том, что расшатывать устои этого убеждения начали еще историки т. н. романтической школы XVIII в.² Ее сторонники отказались от презрительного отношения к ранней истории человечества как к периоду варварства, пытаясь найти (и находя) в ней истоки современной им цивилизации. Ими были обнаружены положительные ценности в культурах, столь заметно отличавшихся от современной. А отсюда уже было рукой подать до признания изменчивости человеческой природы, до исторического подхода к вечному процессу развития человечества. Как утверждал в своем классическом труде Р. Дж. Коллингвуд (1889–1943), впервые «это новое отношение к прошлому отражено в работе Гердера “Идеи по философии всемирной истории”, четыре тома которой были опубликованы между 1784 и 1791 годами»³. Это утверждение выдающегося английского философа истории, абсолютно верное в целом, заслуживает, тем не менее, некоторой коррекции. «Новое отношение к прошлому» впервые отразилось в трудах, опубликованных намного раньше, чем увидел свет гердеровский четырехтомник. И случилось это не в Германии, а в Дании, чья историческая наука XVIII в. явно недооценена Р. Дж. Коллингвудом, возможно, по причине ее географической и языковой периферийности. Попытаюсь исправить это положение (во многом характерное и для современной мировой историографии), — для этого, очевидно, будет достаточно даже краткого упоминания о научных достижениях датских историков, предвосхитивших идею Гердера.

Следует заметить, что для лидеров датского Просвещения было совершенно нехарактерно упомянутое презрительное отношение к древности, свойственное просветителям остальной Европы. Возможно, этому содействовал необычно высокий интерес к истории, свойственный датчанам, в том числе их коро-

лям. Так, еще в 1589 г., когда во всех европейских университетах правила бал вполне средневековая теология, король Кристиан IV повелел профессору Нильсу Крагу «поощрять интерес к истории и читать в университете лекции по ней и по дисциплинам, к ней относящимся»⁴. То есть, глубокий интерес к языческому прошлому своей страны можно отметить в высших и университетских кругах Дании задолго до 1740-х гг., которые здесь считаются началом этой блестящей эпохи. Собственно, идеи Просвещения были распространены среди творческой элиты и ранее, но в 1747 г. трудами великого просветителя, драматурга и историка Людвиг Хольберга открылась академия в Сорё, сразу же ставшая духовным и научным центром датских просветителей⁵.

Так, Арни Магнуссон (1663–1730), профессор истории Копенгагенского университета, еще в пору своей юности начал собирать древние рукописи Исландии и Норвегии. Обреченные малообразованными потомками викингов на гибель, эти листы буквально в последний момент были им спасены. Арни умел обнаруживать рукописи в самых неожиданных местах, а, уверившись, что в этих двух очагах древней культуры собрано практически все, принялся скупать их в Дании и за рубежом. Он посвятил спасению памятников скандинавской древности всю жизнь, в результате чего в университетской библиотеке отложились многие тысячи бесценных манускриптов, ставших основой для научных исследований грядущей эпохи Просвещения. Эта коллекция, равной которой нет в мире, доныне носит его имя (Arni Magnussons Samling)⁶. В том же XVII в. собирал старинные рукописи профессор истории Томас Бартолин (1659–1690), которые составили 25 фолиантов под общим названием *Bartholins Collectanea*. А в 1689 г. им совместно с Арни Магнуссоном была подготовлена и опубликована на латыни антология *Anticvitatium Danicarum de causis contemptæ a Danis adhuc gentilibus mortis libri tres* (О причинах презрения к смерти данов в пору, когда они еще были язычниками). Этот труд, в котором великолепно отразился быт, образ мыслей, религиозных представлений, культура, обычаев и традиций древних датчан, получил европейскую известность, на многие десятилетия став основным источником сведений о древнескандинавских истории, этнологии, поэзии и мифологии⁷.

Несколько позже, в 1702 г., был посмертно издан много-томный труд схожего содержания *Series dynastiarum et regum Daniæ a Skjoldo Othini filio ad Svenonem Estridium...*, подготовленный к публикации еще в 1664 г. Т. Торффэусом (1636–1719). Этот датский историк задался целью раздвинуть временные рамки известной «Истории данов» датского хрониста Саксона Грамматика (XII в.): если последний возводил истоки предков датчан к родоначальнику династии Скъольдунгов, потомков Одина, Дану, то Т. Торффэус начинает свое сочинение со столь же легендарного Скъольда Скевинга, вводя в текст сведения о куда более реальных властителях данов Горме Старом и Тюре.

Но это было не просто хронологическое и фактографическое расширение старой хроники. Историк середины XVII в. впервые подвергает текст хроники Саксона критическому анализу, положив, таким образом, начало новой отрасли исторической науки — источниковедению. Причем его критические выводы были вполне обоснованными, так как Т. Торффэус опирался в своем исследовании на документальные источники огромного собрания Арне Магнуссона (кстати, оказавшего автору неоценимую помощь). Таким образом, мы вправе назвать этих ученых исследователями и XVII, и XVIII века с его европейской источниковедческой школой. Эта порубежная позиция, тот факт, что они опередили свое время, нашли свое отражение и подтверждение в ожесточенной полемике между сторонниками нового метода и защитниками Саксона⁸.

Следует заметить, что названные выше историки были, пожалуй, единственными, кто закладывал научные основы будущему расцвету датской историографии. Остальные авторы, работавшие во второй половине XVII в. в этой области, несли на своем творчестве следы «классического» направления в датской исторической науке⁹.

По сути, они были не историками в строгом понимании этого слова, а, скорее, литераторами, не обременявшими себя знакомством с уже введенными в научный оборот источниками и создававшими романтические произведения о героях сколь угодно далекого прошлого. К счастью, на рубеже веков «классицисты» уступают место исследователям, во-первых, профессионально использовавшим архивные фонды, а, во-вторых, ставившим перед собой некую сверхзадачу — приносить своей

деятельностью пользу обществу. Другими словами, говоря о былом, они старались не забывать о реальной жизни, о требованиях современности, совершенствование которой они считали своим долгом. Этой метаморфозой датские ученые были, прежде всего, обязаны С. Пуфендорфу, который резко критиковал «классическую» историографию, ставя перед учеными позитивную задачу исправления общества.

Виднейшим представителем новых веяний в историографии был Людвиг Хольберг (1684–1754), в молодости хорошо ознакомившийся с трудами и идеями английских, германских и французских философов и историков. Уже в первые десятилетия XVIII в. у него сложились убеждения, которым он следовал всю жизнь. В статьях и вступительных очерках к своим большим произведениям Л. Хольберг определял роль источников в исторических произведениях как основную, «несущую». А в 1830-х гг. он четко сформулировал мысль о том, что для историка мало написать безукоризненно точную, документально подкрепленную историю, — он должен стремиться вскрыть тайные побуждения или роль внешних обстоятельств в действиях исторических лиц. Наконец, он четко сформулировал основную задачу исторической науки как, в конечном счете, радикального средства к совершенствованию человеческого бытия¹⁰.

Огромны заслуги Л. Хольберга и в деле воспитания будущих историков Дании. Будучи профессором истории Копенгагенского университета, прекрасно разбираясь в его структуре и функциях, он неустанно критиковал его — следы этой критики обнаружены на многих страницах его огромного авторского наследия¹¹. Одновременно историк разработал проект реформирования системы образования. В противоположность традиционной теологически-схоластической университетской программе он поставил целью активное ознакомление студентов с реальной жизнью, с современной историей, правом, экономикой и этикой. Религия и право должны соответствовать требованиям рациональности, а науку вообще следует освободить от любой зависимости от теологии.

Легко заметить поразительное сходство этих мыслей с вольтеровскими, но великий французский просветитель был на десять лет моложе своего датского коллеги, и если История Датского королевства (где были высказаны упомянутые мысли)

вышла в свет в 1732–1735 гг., то соответствующая программа Вольтера была изложена чуть ли не двадцатью годами позже («Век Людовика XIV», 1751). Отмечу, что идеи датского просветителя подкреплялись делом. Упомянутый центр датского вольномыслия, академия в Сорё, была создана не только по мысли, но и на средства Л. Хольберга.

Второй пример — упомянутая трехтомная «История Датского королевства», труд, замечательный в своих плюсах и минусах. Это — описание жизни страны с древнейших времен до второй половины XVII в., основанное как на трудах предшествующих историков, так и на источниках. Основное внимание в «Истории» уделено политическим событиям, однако Л. Хольберг освещает и такие частные сюжеты, как организацию национальной науки, положение отдельных сословий, структурное устройство центральной администрации, состояние торговли, организацию монетного дела — все постольку, поскольку это имело в той или иной степени отношение к властным функциям правительства. Однако такой подход объективно позволил автору написать широкую картину жизни страны и людей, их быта, культуры, традиций, духовных качеств — и все это в процессе изменений, метаморфоз.

Совершенно в духе эпохи, требовавшей активного «исправления» общества, Л. Хольберг выступает здесь в качестве резонера, указывавшего на те или иные грехи или промахи исторических лиц с тем, чтобы прошлое не повторилось в будущем. Причем эта его черта не случайна, так было задумано — совершенно в ключе далекого предшественника Л. Хольберга, историка А. Хуитфельда¹². Впрочем, здесь прослеживается некоторое различие. Если А. Хуитфельд поучал короля и его высших советников, оставаясь одним из них и испытывая к ним симпатию, то у Л. Хольберга позиция противоположная. Относясь, в целом, положительно к одному из своих персонажей, Кристиану II, ученый с удовлетворением отмечает, что король «пытался оказать поддержку и помощь низшим сословиям и крестьянам страны... Напротив, дворян и магнатов считал он бельмом на глазу»¹³.

Но есть в Истории Датского королевства черты, которые были совершенно чужды не только А. Хуитфельду, но и современникам Л. Хольберга. Комедийный драматург и ироничный писатель, он и в этом фундаментальном историческом труде

не может удержаться от иронии, блестящей которой едва ли не впервые осветили страницы серьезного сочинения, сделав его популярным как среди датчан, так и в других странах¹⁴. Так, например, он утверждает, что светская болтовня при дворе Свенда II Эстридсена (XI в.) «...была ненамного более изысканной, чем комплименты, которые отпускают в современных мещанских домах»¹⁵.

Л. Хольберг не ограничивал свою деятельность стенами университета и академии в Сорё. По его инициативе и поддержке короля в 1746 г. в Копенгагене было создано Общество для совершенствования датского языка и датской истории (Selskabet til det danske Sprog og den danske Histories Vorbedring). В задачи Общества входили сбор всевозможных письменных источников для последующей публикации их в принадлежащем Обществу ежеквартальном журнале Датский магазин. Душой Общества стал его многолетний председатель Якоб Лангебек (1710–1775), который, как правило, лично составлял комментарии и примечания к материалам, поступавшим в редакцию журнала. А материалов этих было множество. Не ограничиваясь их поисками в Дании, Я. Лангебек собирал материалы (делал их копии или покупал оригиналы) в частных собраниях, архивах и библиотеках Швеции, русской Прибалтики, ганзейских городах бывшей шведской Померании. Основным требованием к этим актам была их принадлежность к истории Дании.

Вернувшись домой, он приступил к изучению и публикации этих источников, число которых измерялось тысячами. Я. Лангебеком была проведена огромная работа: к каждому источнику им составлялся подробный комментарий. Всего им было подготовлено 8 томов; первые три вышли уже в 1772–1774 гг., остальные опубликовали его единомышленники — уже после смерти этого выдающегося архивиста и известного историка. Публикаторский труд занял последние 30 лет его жизни; утверждают, что после его поездок в соответствующих архивах никто не смог обнаружить ничего на «датскую» тему, что не было бы им опубликовано (лишь кое-какие материалы по Средневековью) — а ведь с тех пор прошло уже почти 300 лет¹⁶.

Источниками, которые публиковал Я. Лангебек, пользовались многие историки, в том числе П.-А. Малле, в четырехтомной Истории Дании которого (вышла в 1758–1777 гг.)

автор-компаративист проводил смелые сравнения, например, древнего общества Дании и населения императорского Рима. Выводы были в пользу Скандинавии, которую Малле рассматривал как царство свободы и законности — в противоположность римскому государству, в котором царила рабская психология и культуре которого теперь подражали датские аристократы. Книга П.-А. Малле имела шумный успех во Франции, ее перевели и на английский, после чего англичане занялись исследованиями своей древней истории в поисках свобод древнедатского образца. Затем ее перевели в Германии, результат был тот же. И лишь тогда на нее обратили внимание датско-немецкие аристократы Дании и Шлезвиг-Голштейна. Она была востребована этой элитой провинциального королевства как средство самоутверждения в качестве наследников великой культуры и традиций свободы.

Дворянская верхушка теперь могла доказать всей просвещенной Европе, что именно этот регион был некогда уникален, обладая совершенно особыми, собственными культурно-историческими ценностями и представляя собой историческую почву для более поздних представлений о человеческих свободе и мощи. Образованные, но более демократически настроенные датские студенты и университетские профессора отнеслись к этой шумихе скептически. Они принялись листать тома П.-А. Малле страницу за страницей и обнаружили то, что искали: бесспорно одаренный автор подходил к своим источникам не всегда критично, то есть проявил непрофессионализм. После чего незаурядное сочинение П.-А. Малле хоть и не было забыто, но значительно утратило в своей популярности¹⁷. Запомним этот курьезный эпизод, ярко демонстрирующий бесспорный факт: уже во второй трети XVIII в. (задолго до Гердера!) широкие круги образованного общества Дании настолько трепетно относились к своей «варварской» старине, что воспротивились ее искажению — даже в положительную сторону.

Вообще нельзя не заметить, что в Дании середины XVIII в. произошел некий взрыв интереса к истории, причем не только датской, но и всеобщей. В 1742 г. Л. Хольберг выпускает из печати свою фундаментальную «Историю евреев», а Й. Крафт в 1760 г. — историко-антропологическое «Сочинение о замечательных устройствах, обычаях и убеждениях у диких народов

для освещения проблемы происхождения и развития человечества в целом». Эта же проблема занимала известного историка, королевского историографа П. Ф. Сума. В 1769 г. вышел его солидный труд под скромным названием «Предварительный набросок истории происхождения народов в целом, как введение к началам скандинавских народов»¹⁸, а чуть позже Т. Роте опубликовал свое многотомное «Воздействие христианства на состояние европейских народов» — исследование, кстати, весьма глубокое и профессиональное даже по современным меркам.

Несколько позже (1768–1770) А. Гульдберг издает многотомную «Всемирную историю», где впервые в датской историографии значительное внимание уделяется истории культуры и внутреннему положению многих стран, истории мировой науки и международной торговли. Особую роль отвел автор истории развития национального менталитета и духа. Как он заметил однажды, «Сама истина столь настоятельно повелевает мне обращать особое внимание на развитие или угасание человеческой мысли, остроумия, просто ума, духа предприимчивости в различные эпохи и у различных народов»¹⁹.

В последней трети XVIII в. успешно продолжалась работа над «исправлением» датской истории, прежде всего древней, что, видимо, также отражало негаснувший общественный интерес к национальным истокам. Крупным научным событием стало издание П. Ф. Сумом вначале «Опыта к совершенствованию древней датской и норвежской истории (1757)»²⁰, а затем, в 1774–1781 г., четырехтомной «Критической истории Дании языческого периода от Одина до Горма Старого» (*Kritisk Historie af Danmark udi den hedenske Tid fra Odin til Gorm den Gamle*). Здесь на основе введенных автором в научный оборот источников было сделано бесчисленное количество поправок к сочинениям его предшественников. Очевидно, стремясь воспрепятствовать появлению новых ошибок в будущих сочинениях датских историков, П. Ф. Сум подготовил четырнадцатитомную «Историю Дании» (1782–1828) — огромную антологию источников, снабженных историографическими комментариями. Впервые научное издание вышло на датском языке; на родном языке были приведены и материалы, ранее публиковавшиеся исключительно в латинском переводе.

Труд этот предназначался, естественно, лишь для специалистов, поэтому П. Ф. Сум одновременно готовил еще одну, новую историю Дании для широкого читателя. Этот двухтомник (*Historie af Danmark, Norge og Holsten*) вышел в 1776 г. в форме учебника для гимназий, но, как и рассчитывал автор, получил широкое распространение среди читающей публики, выдержав множество переизданий²¹. Прошлое скандинавских стран освещалось в этом сочинении с критической точки зрения, что, как считают современные историки датской общественной мысли, отразило утопические надежды П. Ф. Сума на то, что его труд может сыграть роль своего рода зеркала для мыслящих современников²².

Во второй половине XVIII в. участились выезды датских студентов и зрелых ученых за рубеж, нередко долговременные. Стоило это недешево, но уже тогда существовали многочисленные именные фонды, предназначенные для историков, первый из которых был учрежден еще Арни Магнуссоном. Ученых привлекала сама возможность ознакомиться с передовыми идеями мировой науки, встретиться с зарубежными коллегами для обмена мнениями. Неслучайно более всего их привлекал Геттингенский университет, славившийся своими либеральными порядками не менее, чем профессорами. В эти годы там преподавали такие блестящие историки как Гаттерер, Шпиттлер и Шлёцер, — неудивительно, что уже через несколько месяцев пребывания в этой свободной республике ученых датчанин Ф. Снеedorф записывал: «Студенты, которые приезжают в Геттинген, чувствуют себя как художники, попавшие в Рим»²³.

Отрасли исторической науки, которым отдавали предпочтение немецкие профессора, весьма отличались от тех, что были доступны копенгагенским или кильским университетам. В Геттингене читали лекции крупнейшие специалисты по всемирной и новейшей, социальной и культурной истории. И, что не менее важно, здесь уже в 1780-х гг. общим стремлением было максимальное приближение к объективности в исследовательских выводах. Поэтому тот же Ф. Снеedorф, вернувшись из Германии высказал убеждения, весьма близкие тем, что лишь через полвека в более лаконичной форме сформулирует великий Леопольд фон Ранке. Датчанин писал: «Путь историка тяжок. Нужно отречься от всех предрассудков, политических

пристрастий, корыстолюбия, ненависти, страха — это его враги, с которыми он должен справиться до начала своего пути. Если историк почерпнул всю свою философию из книг, а не впитал ее с жадностью из окружающего мира, из опыта, то и правдивейшая хроника в его руках превратится в жалкую сказку. Пустячные действия вызываются значительными причинами, а для анализа больших деяний необходимо отправиться на века назад, там ища их основу, не определяемую капризами [современного] государя или его министров»²⁴.

Известно, что если следовать духу позитивизма, то сбор исторических фактов и сведений — только первая стадия процесса научного познания. За ней должна следовать вторая — обобщение этих фактов и открытие законов, которым подчиняется развитие человека и общества. Мы видели, что первая стадия была пройдена датскими историками и архивистами с блестящими успехами. В XVI–XVIII вв. был собран внушительный корпус письменных источников, на основе которого различными авторами практически одновременно создавалась национальная историография. При этом большинство исследователей посвящали первые тома своих сочинений древнейшим периодам датской истории. Другими словами, недооценка ранней истории человечества, с трудом преодолевавшаяся, начиная с Гердера, учеными Просвещения, для датской науки была не характерна ни в пору расцвета этой эпохи, ни ранее.

Сказанное можно отнести и к идее Гердера о развитии менталитета и духа. До того, как она была сформулирована немецким философом, ею руководился ряд датских историков, среди которых особое место занял А. Гульдберг. В своей «Всемирной истории» он еще в 1760-х гг. выступил с критикой представлений о статичности, неизменности человеческой природы, столь свойственных эпохе Просвещения. Мало того, будучи блестящим компаративистом, он продемонстрировал не только неравномерность развития различных племен и народов, но и сделал попытку объяснить причины этой неравномерности. Таким образом, датский ученый ступил в своем творчестве на порог второй стадии научного познания, как ее понимали позитивисты и к чему они звали историков остальной Европы — пока тщетно.

Поиск причин столь очевидно опережающего развития датской историографии эпохи Просвещения едва начат. Скорее все-

го, здесь следует обратить внимание на то, что Дания в XVIII в. относилась к малым странам Европы, не располагавшим тем универсальным разнообразием образовательных и научных возможностей, которыми могли похвастаться великие державы (эта ситуация актуальна и ныне). Поэтому многие стремящиеся к знанию датчане были вынуждены учиться в зарубежной высшей школе. Парадоксальным образом такая необходимость играла исключительно положительную роль для датской науки в целом и языкознания в частности (как в ту эпоху, так и ныне процент датчан, владеющих одним-двумя иностранными языками в разы выше, чем у населения, к примеру, великих держав — причина понятна). Не менее заметным этот феномен был и в историографии.

Действительно, в то время как немецкие, французские или английские студенты-историки в подавляющем большинстве случаев получали образование, ограниченное национальными рамками, датчане располагали возможностью широчайшего выбора между университетами (и, значит, научными школами) всей Европы. Естественно, они выбирали из них наиболее продвинутые и перспективные в смысле развития «новой» истории. А потом возвращались на родину, обогатившись всем тем, что мог им предоставить континент (как правило, они успевали за период обучения сменить два, три и больше университетов, это было нормально). Они были подобны пчелам, несущим в свой улей лучшее, что можно найти в разнотравье цветущего луга. И, если продолжить эту метафору, дома их ждали раскрытые соты в виде уже подготовленных к использованию источников, созданных их предшественниками в объемах и содержательном богатстве, непредставимом даже для куда более крупных стран. Перед ними раскрывалось перспективное поле научной деятельности, где можно было широко применить знания, идеи и мысли лучших умов эпохи, — и они использовали эту уникальную возможность в полной мере²⁵.

¹ Коллингвуд Р. Дж. *Идея истории. Автобиография*. М., 1980. С. 83. (далее: Коллингвуд, 1980).

² Основоположником этого направления европейской историографии принято считать Ж.-Ж. Руссо, чьи идеи о воле народа как определяющей силы

в развитии духовного и культурного мира национальных сообществ были впоследствии развиты Гердером.

³ Коллингвуд, 1980. С. 86.

⁴ Jørgensen E. Historieforskning og Historieskrivning i Danmark indtil Aar 1800. København, 1964. S. 210 (далее: Jørgensen, 1964). Правда, лекции по истории в течение многих десятилетий читались лишь изредка. То есть, когда в этом возникла необходимость для лучшего постижения богословского материала, или если профессор истории изъявлял к этому желание. Кафедры истории вообще не существовало, и лишь с 1635 г. Копенгагенский университет «выделил ставку» для профессора истории. Но, подчеркну, в огромном большинстве европейских университетов в указанный период (и полувеком позже) история вообще не читалась.

⁵ Petersen K. Danmarkshistoriens Hvårnår skete det. København, 1969. S. 235.

⁶ Olsen G. Den unge Enevælde. 1660–1721. København, 1964. S. 371.

⁷ Danmarks historiens blå bog. Udgivet af P. Birkelund, F. Hilsted, I. Koch-Olsen, J. Paulsen. København, 1971. S. 24. (далее: Danmarks historiens blå bog).

⁸ Как вспоминал их младший современник Л. Хольберг, «саксонисты» печатно обрушивались на Т. Торфэуса, клеймя его за то, что ему было «недостаточно королевской стипендии, так как он дерзнул разрушить историю древности и лишить наш Север всей его славы и прелести..., принизить древности своей родины» (Holbergs samlede Skrifter. Bd. V. København, 1920. S. 743. /далее: Holberg, 1920/).

⁹ Другое обозначение этого направления — «тацитизм». Его представители писали, подражая великим историкам классического периода истории Рима. В годы правления Кристиана IV (1588–1648) историки И. Понтанус и И. Мёрсиус создали свои версии истории Дании. В книгах обоих авторов короли действуют согласно Божьей воле, хотя иногда и под давлением собственных эгоистических интересов. Что касается морального лица монархов, то оно определяется по воле автора, демонстрирующего, как аморальные государи наказуются Богом. В целом же короли получают свою власть непосредственно от Господа и являются Его наместниками на земле. В литературе высказывается обоснованное утверждение, что «классическая» историография сложилась в Дании под влиянием Меланхтона (Skovgaard Petersen K. Historiography at the Court of Christian IV (1588–1648). Studies in the Latin Histories of Denmark by Johannes Pontanus and Johannes Meursius. København, 2002. P. 411).

¹⁰ Голберг Л. Сокращение Всеобщей истории, с вопросами и ответами. М., 1908. С. 1.

¹¹ Stybe S. E. Universitet og Åndsliv i 500 År. København, 1979. S. 76.

¹² Арильд Хуитфельд (1546–1609), канцлер Кристиана IV, благодаря своему посту и служебным поездкам получил возможность собрать внушительную коллекцию старых рукописей, на основе которых написал свою Историю Дании. Это был крупнейший, после хроники Саксона Грамматика, труд (10 томов), надолго занявший в датской историографии центральное место и первая история страны и народа, написанная по-датски. В нем рассмотрен период от легендарного короля Дана до к. XVI в.

¹³ Цит. по: Hørby K. Den nationale historieskrivning i Danmark. København, 1978. S. 10. (далее: Hørby, 1978).

¹⁴ История Датского королевства Л. Хольберга была опубликована и в России, правда, под несколько измененным названием (История Датская. СПб., 1765–1766)

¹⁵ Цит. по: *Hørby*, 1978. S. 9.

¹⁶ *Jørgensen*, 1964. S. 208.

¹⁷ *Stigel J.* Den nationale patriotisme // Dansk litteraturhistorie. Bd. 4. København, 1983. S. 310–311.

¹⁸ В этом труде П. Ф. Сум попытался собрать воедино все имевшиеся в ту эпоху сведения о древнейших насельниках земли. При этом он использовал Ветхий Завет, античные и средневековые сочинения — скандинавские и иные, записки путешественников (к которым относился, по понятным причинам, критически) и небогатую научную литературу по этой теме. В этом труде автор выдвинул оригинальную гипотезу о том, что скандинавы, как и угро-финны, пришли на Балтику с востока.

¹⁹ Цит. по: *Jørgensen*, 1964. S. 171.

²⁰ Этот труд представлял собой критику общих работ, конкретно по истории королей Кнуда Великого, Эрика I Доброго, Эрика II Памятливого и претендента на датский трон Харальда Хордероде (XI–XII вв.),

²¹ *Danmarks historiens blå bog*. S. 405.

²² *Stigel*, 1983. S. 316.

²³ *Sneedorf F.* Samlede Skrifter. København, 1794. Bd. I. S. 10.

²⁴ *Ibid.* Bd. III. S. 5, 6–7.

²⁵ Некоторые особенности дальнейшего развития датской исторической науки отражены в: *Возгрин В. Е.* Историографическая драма — датские историки до и после национальной катастрофы 1864 г. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы Десятой ежегодной международной научной конференции. СПб., 2009. С. 236–250.